

The background of the cover is a photograph of a man with dark hair and a light beard, wearing a light blue button-down shirt over a white t-shirt. He is looking slightly to the right of the camera. Behind him is a large, ancient stone building with several dark, arched openings. The lighting is warm, suggesting late afternoon or early morning.

Елена Демченко

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ГОРОД

12+

Елена Юрьевна Демченко
Заколдованный город

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63918612

SelfPub; 2021

Аннотация

Сборник рассказов о тайнах и волшебстве жизни вокруг нас...
И об испытаниях на человечность

Елена Демченко

Заколдованный город

ДОРОГА К МОРЮ

– Постель брать будете? – дородная проводница, несмотря на жару затянутая в форменный китель, засунула мой билет в кармашек планшета с номерами мест. Оно, конечно, четырнадцать часов в пути, но в светлое время суток – а спать днём я не могу. Попросил:

– Мне бы чаю. Два стакана.

– Через час, не раньше. Не согрелось ещё.

В купе кроме меня пассажиров не оказалось, не с кем, стало быть, коротать дорогу беседами о жизни, политике и президентах. В ожидании чая решил полистать книжку, забытую на полке прежним путешественником. Это была даже не книжка, а несколько страниц, без начала и конца. Хоть что-то, раз уж другой литературой или предметами развлечений не запасся.

* * *

«...и волею Господа Вседержателя кораблю суждено было кануть в пучине вод штормовых, но благое дело – близ полосы прибрежных рифов, так что слуге вашему всеподданнейшему удалось выбраться на твёрдую землю. Но, как оказалось, спасся я один. Прождав изрядное время на берегу,

побродив по окрестностям и убедившись, что пучина поглотила и корабль наш, славный «Король Филипп», и капитана Родригеса, отважного рыцаря, и боцмана, и весь экипаж, я вознёс по их души упокоительную молитву и отправился исследовать остров. Поначалу принял его за материк, столь длинна оказалась береговая линия. Но всё ж то был именно остров, как я убедился много позднее, остров, сильно вытянутый с севера на юг и значительно малый с востока на запад.

Я слышал от бывалых моряков истории о потерпевших кораблекрушение людях, удачно оказавшихся на необитаемых землях и проживших там долгие годы, но себе не мыслил такую судьбу, потому как одиночество и предприимчивость в выживании в диких условиях не свойственны ни происхождению моему, ни организации. Не буду утомлять Ваше Величество рассказом о мыслях, посетивших меня в последующие дни, и трудностях в добывании хоть какой-то пищи и воды. Скажу лишь, что те пять дней оказались самыми ужасными среди всех испытаний, выпавших на мою долю до того. Не то чтоб я был столь изнежен и утончён в выборе, но великое множество кусачих насекомых причиняло невыразимые страдания моей плоти, и спасением от них оказался лишь ветер на вершине горы, абсолютно голого скального монолита, пышущего жаром днём и остывающего до могильного холода к середине ночи. Я спускался с него совсем ненадолго, чтобы успеть сорвать несколько фруктов и затем бегом возвращался на свой камень, стараясь не ругаться в полный

голос от боли и зуда – хотя кто меня тут услышал бы?! Но я ж потомственный дворянин и рыцарь и должен сохранять достоинство в любых обстоятельствах!

К концу третьего дня Господь надоумил меня о средстве спасения от укусов – жидкая грязь, коей натёр все тело с головы до ног. Теперь я мог дольше оставаться внизу и продолжать исследования острова. Правда, грязь быстро высыхала, трескалась и отваливалась кусками, давая кровососам возможность впитаться в незащищённые участки тела, так что приходилось периодически обновлять защиту. Вскоре я весь покрылся толстой красновато-бурой бронёй. Наверное, со стороны выглядел совершенно дико, но беспокоило не несоответствие светскому этикету, а хрупкость и ненадёжность защиты. Но ничего другого не было и пришлось смириться. Так что я даже немного удивился, увидев испуг на лице человека, встреченного в лесу на исходе пятого дня. Представляю, какой ужас он испытал, застав на своём пути неизвестное чудовище, покрытое глиной, сверкающее белками глаз и жадно – о, постоянный голод!! – поглощающее сочный плод с дерева. Наверное, только палка в левой руке, выломанная мной по случаю для защиты от возможных хищников и помощи, дала понять незнакомцу, что перед ним – разумный человек. Впрочем, непохоже, чтобы незнакомец собирался с перепугу броситься наутёк. Лучшее, что сделал бы – просто прошёл мимо и исчез в джунглях, а я точно никогда не нашёл бы и следов, потому что КАК ОНИ умеют ходить убедился

впоследствии...»

* * *

– Чай! – проводница втиснулась в купе, поставила мокрые стаканы прямо на книгу, даже не заметив тонкие листки на желтоватой салфетке столика.

– Спасибо.

Я стряхнул капли со страниц и разложил книжку подсушиться на солнечном островке на нижней полке. Пил чай, крепкий, горячий, сладкий, на удивление неплохой, думал о предстоящем отпуске в пансионате у моря и не мог отделаться от ощущения скуки и привычности происходящего. Хотя, может, оно и хорошо, что жизнь проходит без встрясок, размеренно? Вот как бы я повёл себя на затерянном острове посреди моря?..

* * *

«...Прошу прощения у Вашего Величества за подробности. Да не утомят они Вас, но я должен описать незнакомца, чтобы Ваше Величество имело представление о той чудесной расе островитян. Встретившийся мне человек имел мужской пол, рост, превосходящий мой на голову, а я ведь довольно высок! Черты лица правильные, тонкие, выдающие словно бы благородство происхождения, хотя откуда взяться рыцарям посреди океана на забытом Богом клочке земли?? Разве что судьба их схожа с моей, и однажды они так же терпели бедствие.

Кожа чистая, гладкая, покрытая лёгким загаром, прида-

ющим ей оттенок спелого персика. Я, помнится, удивился, что островитянина насекомые не пользуют и даже не роятся плотной стаей как возле меня, но должно причиной тому – запах, исходящий от незнакомца, не сказать, что неприятный, но довольно необычный – что-то от горьковатого миндаля с примесью эфиров неизвестных фруктов, ставших в то время моей единственной пищей.

Племя, куда привёл меня незнакомец, – впрочем, отчего «незнакомец», ведь он представился! Правда, выговорить его имя, насчитывающее целое сонмище непонятных слов и звуков, я не могу до сих пор, поэтому назвал его Педро – чем-то напомнил туземец брата, который вряд ли где-то теперь на материке, в холе и удобствах, вспоминает обо мне, но всё же, всё же...! Итак, Педро отвёл меня к своей деревне – паре десятков домов, точнее, хижин, кои я не заметил бы с беглого взгляда, столь искусно они выполнены и размещены меж многочисленных деревьев. Забегая вперёд, поясню, что то – вовсе не для маскировки и защиты или успешной охоты, а из любви к природе и старании не нанести ей малейший вред и неудобство. Трепетное отношение островитян к лесу удивило и поразило, ведь вокруг такое богатство, такое разнообразие и разгул форм жизни, что можно было бы сколотить состояние, продавая лес, экзотические фрукты, да мало ли чего ещё, не причиняя при том видимого урона острову. Однако, туземцев богатство не волнует. Всё, что нужно для жизни, они имеют и так, либо производят с большим ис-

кусством и мастерством. Их женщины шьют одежду из тканей, специально обработанных для мягкости и податливости волокон пальмовых листьев, украшают затейливой вышивкой и орнаментами, вплетая иногда в узор перья диковинных островных птиц. Причём перья не убитых птиц, а обронённые, кои специально ищут в лесу. Большой удачей считается находка такого пёрышка, потому как сулит обладателю благоволение от всего птичьего рода.

Прошу прощения, Государь мой, за такие подробности, но хочу лишь, чтобы Ваше Величество оценило по достоинству сообщество людей острова и вняло моей мольбе о помощи им.

Поначалу показалось мне, что в деревне никого нет, а то и проводник мой вовсе живёт тут один, но он издал вдруг звук протяжный и мелодичный, хотя и совсем негромкий – я бы даже подумал, что Педро просто напевает под нос себе. И на его зов тут же начало собираться местное население, молодые люди, пожилые, несколько детей. Все с интересом рассматривали меня, улыбались, посмеивались, должно быть, вид мой и впрямь заслуживал ухмылок, пусть и доброжелательных, но несколько всё же обидных. Я гордо выпрямился, принял вид, достойный рыцаря и отважного мореплавателя. Потом сказал: «Приветствую вас, о, туземцы! Имеется ли среди вас король или вождь, дабы мог я говорить с ним и поведать о цели моего нахождения здесь?» Никто навстречу не вышел и не поприветствовал, как полагается для

рыцаря моего ранга. Я подождал немного и продолжил: «О, туземцы-островитяне! Я, Рауль Диего Гарсия Перес, конкистадор, миссионер и рыцарь двора Его королевского Величества короля Филиппа, как первый испанец, ступивший на сию землю, заявляю свои права на неё в пользу моего рода и объявляю себя полноправным владельцем и губернатором островной провинции в составе колоний великой Испании...»

Спросил Педро, как называется местность, на что тот с неизменной улыбкой ответил: «Кайя-Аман-Ту». И я закончил речь: «... острова Кайя-Аман-Ту». В ту пору я был столь наивен, что полагал «кайя-аман-ту» именем, а на самом деле то – целая фраза, в переводе означающая «зачем говоришь так громко? горы смеются над тобой!» Но, благодаря моему невежеству, безымянный клочок земли посреди океана обрёл название, владельца и губернатора, хотя в тот исторический момент никто, конечно, не понял возвышенной тирады и не признал во мне своего господина. Вдоволь насмеявшись над перемазанным глиной дикарём, с пафосом что-то выкрикивающим на площади, островитяне разошлись и сделали это совершенно бесшумно. Даже дети куда-то исчезли и сопутствующая им возня и щебетание, к которым я привык у нас, ни единым звуком не нарушила природной тишины. Как удавалось детям(!) не шуметь, не могу даже представить. Должно здесь строжайшее воспитание и дисциплина воистину спартанская!

Вот так и началась моя жизнь в племени, чему я втайне был рад, хотя и подозревал сперва наличие у туземцев каннибальских наклонностей, – о том тоже не раз слышал в раздирающих душу морских историях. Но опасения оказались напрасны. Островитяне не просто не собирались есть меня, но не потребляли мяса вовсе. Более того, за время пребывания на Кайя-Аман-Ту я тоже отвык от животной пищи и отвык настолько, что возврат к привычному образу жизни и питания – привычному в прошлом, конечно! – дался настолько болезненно, что несколько дней потом, уже дома, испытывал жуткие рези и недомогание, вынудившее провести время в постели вместо работы над докладом для Вашего Величества. Не употребляя мяса, не охотясь, живя собирательством и выращиванием злаков и клубней, туземцы отнюдь не влачили жалкое полуголодное существование и не выглядели истощёнными. Через некоторое время я тоже почувствовал, что мучивший меня постоянно голод отступил, а тело наполнилось силой и энергией.

Я смыл с себя броню из красной глины и грязи, а гнус более не докучал, ибо кожа приобрела тот самый запах, удививший меня в первую встречу с Педро. Всё оказалось очень просто – надо лишь периодически жевать листья дерева Кай – так называют его туземцы, а я не знаю, что это за дерево и не видел его никогда ранее ни у нас в Испании, ни в предыдущих путешествиях. Пусть я не так много путешествовал, но, думаю, деревья Кай растут либо только на Кайя-Аман-

Ту, либо на подобных островах Атлантики. Так вот сок этого дерева, попадая в кровь, делает её неприятной и смертельной для насекомых, отчего они полностью теряют интерес к вам.

Но, спустя пару дней, я буквально свалился с ног в жуткой лихорадке – часть яда насекомых, должно впрыснутая в кровь с укусами, отравила меня, либо употребил в пищу нечто, не принятое организмом. В минуты просветления сознания между приступами то жара, то озноба, я видел прекрасную деву, заботливо склоняющуюся надо мной и подносящую чашу с водой к пересохшим губам. В воде присутствовал сок некоего растения, который приносил облегчение и, возможно благодаря оному, поправился я относительно быстро, хотя слабость в членах сохранилась ещё на пару недель. И это оказалось кстати и хорошо, потому что дева продолжала ухаживать за мной, коль работать я не мог, хотя и чувствовал себя значительно лучше. Мы проводили долгие часы в беседах. Дева внимательно слушала мои рассказы о жизни на материке, о семье, о Боге. Очень много говорил о Боге и удостоверился, что Вера не чужда племени кайя-аман-ту, хотя, боюсь, многое из моих разглагольствований осталось не понятным из-за скудных познаний в языке. Я старался прилежно учиться, дабы донести островитянам слова и догмы истинной веры, но в их речи не хватало большинства привычных мне понятий, и приходилось объяснять жестами, рисунками и прочими доступными способами. Попутно я изучал их обычаи, и первое, что узнал – ухаживать

за холостым мужчиной в болезни или ранении может лишь незамужняя дева, потому что потом спасённый обязан на ней жениться! (А если так случится, что одиноких дам в племени в настоящий момент нет, спросил я? Неужели несчастному предстоит умереть, а никто ему и воды не подаст?!.)

Много, много странного предстояло узнать о жизни островитян, но обычай жениться и вовсе поверг меня в растерянность. Как я мог взять в жёны язычницу?! Или жить с ней в грехе, притворяясь, что чту букву островного закона, но обрекая при том и её и себя на муки адовы впоследствии?! Может, и не стало бы так жаль туземку, окажись она девицею в изрядном возрасте – встречаются же и такие! – или дурной в обличии! Однако моя невеста была и юна, и хороша, и просто светилась здоровьем и жизненной силой. Что скрывать, – я начал испытывать к ней большую симпатию! Встретив такую красавицу на родине, и не помышлял бы лучшей партии. Беда лишь в том, что девушка не была католичкой...

Решение, однако, нашлось быстро. Я же стал губернатором острова! А значит, обрёл и права Первосвященника. Конечно, не являясь святым помазанником, не мог вершить обрядов и таинств, но объявить деву-островитянку принадлежащей католической вере вполне в моей власти.

Я нарёк её Марией. Как губернатор Кайя-Аман-Ту узаконил наше вступление в союз, мысленно дав обет Господу по возвращении, в котором я не сомневался ни секунды, подтвердить брак венчанием в церкви.

Вот так на затерянном в океане острове я обрёл спасение, понимание и новую семью. Возблагодарил бы Бога за такой поворот в судьбе, если бы не тоска по дому и желание вернуться в свет и цивилизацию, хотя по большому счёту цивилизация, в которой я родился и вырос, а также нравы и устои во многом уступали отлаженности и гармонии жизни на острове. Месяцы, проведённые там, считаю лучшими за все прежде прожитые годы. Но тосковал, признаюсь. Тем более, что на материке остались родные, осталась матушка, которую глубоко чту и люблю, брат, отец.

Воспоминания не давали мне покоя, не давали возможности наслаждаться пребыванием в самом настоящем Эдеме. Я возносил молитвы Господу каждый день, сознавая, что спасение на самом деле обернётся утратой этого райского уголка, но тосковал так, что готов был пойти на любые лишения, только бы вернуться. Молитвы мои достигли небесного престола, иначе я не сидел бы сейчас и не писал Вашему Величеству сию поучительную и во многом грустную историю и не надеялся бы на великую помощь, о которой взываю, дабы спасти островитян и мою жену. Когда к острову пристало несколько судов, чьим владельцем оказался некто Густав Свенсон, незаконный голландский разбойник и пират, не могу поверить, что таковым стал ответ на мои молитвы, хотя именно на корвете Свенсона я и уплыл с Кайя-Аман-Ту, правда, в качестве пленника и заложника для выкупа.

Не вдаваясь в детали, прошу Ваше Величество поверить,

что налёт пиратов был ужасен. Деяния конкистадоров, коим приписывают всяческие преступления и жестокости, не сравнятся с бесчинствами морских разбойников. Кроме того, мы – распространители истинной веры и обращения в лоно церкви всех детей божьих, независимо от цвета кожи и образа жизни. Пираты же просто грабят и убивают!

Ваше Величество, конечно, может возразить и напомнить, что в стране и за её пределами гораздо больше благородных испанцев нуждаются во внимании и помощи, нежели какая-то горстка туземцев-язычников, но я ещё не упомянул главного, узнав которое мой король по достоинству оценит островитян и, надеюсь, расположится к ним. Я говорю о великом, тайном умении, доступном этим людям, умении, которое при должной сноровке наполнит золотом казну, а всех испанцев сделает повелителями мира во главе с Вашим Величеством. И поверьте, я нисколько не преувеличиваю, ибо то, чему стал свидетелем не раз, повергло в величайшее изумление и благоговение перед мастерством кайя-аман-ту! Только вообразите, мой король, что вы берёте в руки с виду совсем обычную расписную дощечку или глиняную пластинку и вдруг получаете ответы на вопросы за пределами разума, получаете такие знания, о которых не могли помыслить, ибо они недоступны даже великим мудрецам Востока! Сие достойно изумления и сомнения в реальности, но поверьте, мой король, я сам испытал на себе действие магии островитян. Впрочем, неверно выразился – то совсем

не магия, не колдовство, не ведьминские происки, с которыми всегда боролась святая церковь! Как объяснил Педро, их искусство доступно каждому, было бы желание научиться, постичь и выказать должное прилежание. Но у меня, сколь ни пытался, ничего так и не вышло, хотя старался следовать всем правилам и ритуалам. Думаю, здесь нужен талант, дар, ниспосланный свыше лишь избранным мастерам. И, если каждый из кайя-аман-ту способен на подобное чудо, значит, Господь истинно благоволит островному народу!

Всё дело в рисунках, мой король! Да, как ни странно это звучит! Рисунок, нанесённый на то, что постоянно мы имеем под рукой, то есть ничего особенного или необычного не требуется – никакой волшебной бумаги или золотых пластин. Я видел, как один туземец нанёс несколько линий осколком кремня на валун у реки, наложил на рисунок руки, постоял с минуту, потом лицо его просветлело, он заулыбался и умчался вполне довольный. То есть он получил ответ на какой-то свой вопрос! А, когда в период моего выздоровления обмолвился, что страстно желаю – мне право стыдно, государь, но ведь я был болен! – козьего сыра, Мария достала небольшую дощечку – скорее, кусок древесной коры – поводила по нему угольком. (Я потом рассматривал рисунок – ничего особенного; просто линии, круги какие-то...) И через некоторое время принесла мне изрядный кусок свежайшего, нежнейшего сыра! А на острове ни до, ни после я так и не встретил ни одной козы! Да и молоко в пищу туземцы

не употребляли за неимением скота. Я уже говорил, что питались они исключительно растениями!

До сих пор не знаю, откуда тот сыр, но уверен, никакого колдовства не было и в помине. Мария задала вопрос, как его сделать, и сделала. Из трав, водорослей, из чего ещё...

Теперь понимаете, мой государь, сколь ценен был бы хотя бы один островитянин Кайя-Аман-Ту при вашем дворе! Какие знания стали бы доступны Вашему Величеству! Как пример приведу ещё один случай. Я попросил Марию нарисовать картинку, что подсказала бы мне, есть ли на острове золото и как его добыть, имея в распоряжении скудный набор деревянных инструментов для возделывания почвы для огорода. И я получил ответ! Некие камни красного цвета нужно было вымочить в зеленоватой лужице, что в одной из пещер собиралась из капель, сочащихся по наростам на своде. Целый день я потратил на поиск камней, причём нашёл только пару, потом вымачивал их в вонючем озерке, посмеиваясь над собственным легковерием – мало ли что может взбрести в голову? Почему – думал я – любая мысль, пришедшая на ум, когда держишь ладонь на рисунке, должна быть истиной? Однако, всего через несколько часов моё неверие оказалось посрамлено. Два золотых самородка украсили алтарь в моей хижине! Я знаю толк в золоте, мой государь, и смею заверить, никакой подделки или подмены тут нет и в помине. Один из самородков я подарил потом жене в качестве свадебного подарка, хотя она так и не поняла, для чего золото нужно.

Но приняла с благодарностью. Второй же самородок, думаю, был похищен пиратами, так что мне нечего предложить Вашему Величеству в качестве доказательства правоты. И дело вовсе не в таинственных камнях или ядовитом пещерном озере. Я уверен, что в иных условиях вполне найдутся другие способы получения золота. И это лишь малая часть того, что подвластно искусству туземцев острова!..»

* * *

На этом текст обрывался.

Чушь какая-то, подумал я. Игра чьего-то разыгравшегося воображения. В любом случае, чем закончилась история, и так понятно. Либо король не получил послания, либо не поверил ни единому слову. Как и я. Недолюбливаю фантастику. Из-за вседозволенности. Любую, самую бредовую идею выдают за великое откровение. А по сути – одно графоманство. Инопланетяне всякие, жуки воинственные, туземцы-колдуны...

Поезд дёрнулся и остановился. Проводница прошествовала по вагону, извещая слегка гнусавым голосом, что стоянка тридцать минут.

Я решил немного размять ноги и вышел на перрон. После прохлады купе южная жара тяжёлым горячим воздухом ворвалась в лёгкие. На небе ни облачка, до моря километров пятьсот и сорок градусов в тени – терпите, господа! Под сенью нескольких деревьев расположился небольшой рыночек, где старушки предлагали домашний холодный квас, свежую

зелень, грибы, варёную снедь – обычный набор для всех полустанков всех направлений. Я купил рассыпчатой картошки, белых солёных груздей и тут заметил двух пареньков, сидящих чуть поодаль от бабулек. На маленьком раскладном столике аккуратными рядками красовались небольшие плоские расписные булжнички. Подошёл ближе. Поинтересовался:

– Это что такое?

– Рисунки на камнях.

– Продаёте что ли? – хмыкнул я. Ну и народ! На чём угодно готов деньги делать! Взял один камушек. Чёрно-белый рисунок – космос, звёздные спирали, а под ними – спящая птица.

– Может, и название есть? «Сон в летнюю ночь» ...

– «Птица спит и не знает».

– Хм! А совсем даже неплохо! – повертел камушек. – Чувствуется и мысль, и настроение, и некий романтизм. Спит и не знает, что там, во Вселенной... Да и кто его знает? Что там?

Положил ладонь на камень оттереть тонкую пудру пыли с лакированной поверхности и рассмотреть получше...

И привычный мир вдруг погас! В космическом мраке закружились галактики, сложились незнакомые созвездия, забурлили протуберанцами солнца. Радужными сферами планеты необычных цветов – синего, красного, густо-зелёного... понеслись мимо, словно это я летел над ними с неверо-

ятной скоростью, чудом выхватывая какие-то кадры-картинки: города, удивительных зверей и птиц, растения невообразимой формы, горы, пустыни, реки... Это было дико, страшновато в своей реалистичности и в то же время захватывающе интересно!

– Мужчина! – один из парней потряс меня за плечо, возвращая в реальность. – Что с вами? Перегрелся с непривычки?

Я открыл глаза. Мир понемногу обрёл привычные до скуки очертания. Солнце всё так же палило сквозь редкую листву, а тело продолжало ощущать холод Космоса.

И что же это было?..

– Отправляемся! – проводница моего вагона громко созывала пассажиров. – Состав отправляется!

Я положил камень на столик и поспешил к поезду. Лязгнули колёса, поплыл назад полустанок с бабульками, домашней снедью, с художниками.

Ни названия полустанка не запомнил, ни имён тех мальчишек. Осталось лишь ощущение прикосновения к тайне, к чему-то запредельному, происходящему совсем рядом, но доступному лишь тем, кто чуточку иначе смотрит на мир, о чём, возможно, и рассказывал пятьсот лет назад конкистадор Рауль-Диего-... и как его там дальше-то?

НОВОГОДНИЙ АУКЦИОН

Низко над полом струился густой белый дым. Он бур-

лил, из него выплескивались вверх тонкие струйки, подобные крошечным звёздным протуберанцам, и тут же рассеивались в тонкую пыль. Холодный поток или горячий, – ноги в тяжелых сапогах с кевларовым кордом не чувствовали, но звук шагов он всё-таки приглушал.

Я толкнул высокую резную дверь. Створки её распахнулись, и поток хлынул в небольшой круглый зал, растекся над мозаичным полом. Опираясь обеими руками на край круглого полированного стола, старик исподлобья метнул на меня взгляд, полный презрения и ненависти.

Вам... всё равно... ничего не получить. – Он закашлялся и злорадно добавил, – Я... всё сжёг. Всё... до последнего листка!

– Не бойся, – негромко сказал я. – Я пришёл освободить тебя.

* * *

Дорога была тиха и пустынна. Высоченные заснеженные ели по обоим краям делали её похожей на туннель. Впечатление усиливалось низко висящими лохматыми тучами, да неясной туманной дымкой впереди. В салоне моего «Фольксвагена», однако же, было тепло и уютно. Негромко играло радио. Заграничная певица надрывно пела о несчастной любви. Начало смеркаться, и я включил фары. До особняка Грега ехать ещё километров тридцать. Далековато забрался.

Впрочем, это по моим меркам, а для человека, успеваю-

щего за неделю объехать половину мира, какие-то сто километров – это так, тьфу, рядом с домом.

Грег. Раньше, помнится, его звали по-другому. Но он всегда хотел именно так, звучно и коротко. И ни с кем не спутаешь. Может где-то Грегов, как донов Педро, а здесь. ... У вас есть знакомый с таким именем? То-то.

«Другу детства Алексу...», – так начиналось приглашение на новогодний банкет, отпечатанное на изящной открытке. Насчёт «друга», по-моему, здесь перебор. Мы жили когда-то по соседству, играли в одном дворе, но разница в возрасте в пятнадцать лет не позволила стать настоящими друзьями. Да и некоторая доля высокомерия и амбициозности не нравилась мне в Грее. Словом, назвать его другом я бы не решился, но на приглашение откликнулся. Может, человеку просто одиноко? Или хочется вспомнить что-то дорогое, о чем никто не знает и не вспомнит кроме соседа по двору?

* * *

...сделал осторожный легчайший мазок самой тонкой кистью, подчеркнув густоту ресниц над зелёными глазами.

Дама устала. Она обмахивалась массивным веером из перьев, обмякнув в кресле и развернувшись, как удобно ей, но не мне. Резкие тени на её лице прибавили и без того солидному возрасту ещё лет двадцать. Менее всего она походила на юную красавицу на полотне парадного портрета. Меня, впрочем, это не волновало. Один женский образ, навсегда оставшийся в памяти, так или иначе, смотрел со всех моих

картин.

* * *

Сто километров в час – скорость приличная для зимней дороги. Я не лихач и лихачей не уважаю, но, когда серебристый «мерс» обогнал меня, лихачом он не выглядел. Более того, сделал это с ленивой грацией, непринуждённо. Так молодой спортсмен, не замечая, обгоняет плетущегося старика.

За рулём сидела дама. Я не успел разглядеть её лица в вихре тонкой снежной пыли, окутавшей серебристую, в тон машины, шубку, тёмные волосы в гладкой тугой причёске... Экстравагантность, граничащая с безумием – в разгар зимы ехать в машине с откинутым верхом!

Габаритные огни «Мерседеса» кокетливо мелькнули среди сосен. Снежная Королева бесшумно умчалась в ночную мглу.

Площадка для парковки была плотно заставлена машинами самых разнообразных моделей и стилей. Присутствовал даже микроавтобус. О! А вот и знакомый «Мерседес» с по-прежнему беззащитно открытым снегом и ветру роскошным салоном.

Охранник внимательно изучил моё приглашение, что-то проверил по компьютеру и лишь затем кивнул в сторону ворот. Я прошел под высокой кирпичной аркой и по дорожке, освещенной стилизованными под старину фонарями, поднялся к многоуровневому особняку. Острове́рхие башенки, галереи и эркеры делали его похожим на старинный замок.

Впечатление усиливалось ночным полумраком и густым заснеженным лесом вокруг.

– Рад тебя видеть, Алекс! – Грег радушно и так искренне улыбнулся, что я смутился.

Здравствуй, – пожал его сильную узкую ладонь. – А ты сильно изменился.

Действительно, я с трудом узнал в спортивном, подтянутом, импозантном мужчине долгового подростка, с которым когда-то играл в футбол. Волосы с благородной проседью, аккуратная бородка, внимательный цепкий взгляд, – уверенный в себе, удачливый бизнесмен.

Пойдем, я угощу тебя отличным виски.

Мы прошли в зал, заполненный танцующими парами. Посреди зала высилась огромная роскошная живая ёлка без игрушек, но в искусственном снегу и длинных вереницах «живых» огней, синими и голубыми струями сбегаящих с верхушки. Громко играла ритмичная музыка.

– У нас, как видишь, праздник в разгаре!

Грег подвел меня к зеркальному столику, уставленному разноцветными бутылками. – Ты тоже почувствуй себя, как дома, веселись.

– Да я вообще-то ненадолго. Заехал поздравить и...

– Нет-нет, я тебя никуда не отпущу! Нам надо о многом поговорить, много вспомнить! Ведь мы не виделись сколько? Лет двадцать?

Честно говоря, я и не думал, что ты помнишь обо мне. У

преуспевающих людей обычно свой круг знакомых, преимущественно деловых и нужных.

Ну, уж! – он усмехнулся. – Я не такой. Держи! Твое здоровье!

Благодарю, но я за рулём.

Тут музыка смолкла, и Грег обратился к гостям.

– Господа, позвольте вам представить моего друга детства.

Прошу любить и жаловать. Алекс. Художник. Ловец душ! Если кто-то хочет заказать портрет, рискните, но берегитесь: Алекс может отобразить на нем самые сокровенные уголки вашей натуры!

Смотри, не перехвали, – пробормотал я.

Ничуть! – он широко и добродушно улыбнулся. – А теперь – музыка! Новый год на дворе! Всем танцевать! Белый танец! Дамы, прошу!

* * *

Земля под ногами гудела и вздрагивала. Камни катились по склону и, срываясь с крутого обрыва, шумно падали в озеро, вздымая огромные фонтаны. Уворачиваясь от огромных валунов, мы бежали по склону вулкана к приметной щели в скале под широким козырьком. Вернее, бежал я, а спутник мой скакал на одной ноге, приволакивая вторую, раненую острыми зубами ихтиозавра. С мокрых зелёных волос парня всё ещё стекала вода, оставляя на мускулистых плечах и груди светлые дорожки. Зачем он полез купаться в озеро, кишашее хищниками, непонятно. Может это ритуал какой-ни-

будь? Инициация, например,

Индец упал. Я перебросил через свое плечо его руку, поднял.

А вот и спасительная пещера...

* * *

– Вы танцуете? – низкий приятный голос, загадочный взгляд темно-зеленых глаз, тонкий аромат дорогих духов...

Снежная Королева улыбалась

приветливо, но с истинно королевским достоинством. Она была очень хороша, легка, стройна в изящном вечернем платье, отороченном полоской серебристого меха.

–Для вас, госпожа моя, хоть до утра.

Ее легкие руки легли мне на плечи.

– Могу я узнать ваше имя? Или нет, подождите, попробую угадать... Вас зовут Тайна?

Она рассмеялась.

Вы, наверное, не только художник, но и поэт? Талант – он ведь многогранен... А зовут меня Алина.

Вы подруга Грега?

Нет. Я тут, можно сказать, случайно. А вы давно знакомы с нашим радушным хозяином?

Д-да. Хотя сегодняшний вечер – неожиданность и для меня. Приятная неожиданность!

Может, Грег хочет заказать портрет? В полный рост! Сейчас это модно.

Вообще-то я не портретист. Иллюстрирую книги, журна-

лы иногда, когда приглашают.

– А веб-дизайном вы тоже занимаетесь? Я слышала, сейчас всё делают на компьютере, даже картины рисуют.

– Нет. Я по старинке работаю, кистью. Компьютерный дизайн – есть в нем что-то неживое. Вернее, вообще нет ничего живого. Души нет. Внешний лоск и совершенство – да, а вот души?.. Простите, может, я вас обидел? У людей разное отношение к современной электронике, особенно, если с ней непосредственно имеют дело.

– Не обидели. Но вокруг сейчас так мало осталось истинно живого, что ваши сетования звучат несколько архаично. Меня, например, совсем не угнетает стиль современной жизни, хотя и люблю, и ценю искусство. Сегодня тоже можно создавать настоящие шедевры с помощью той же компьютерной графики. Может, в них и нет привычной для вас «души», но есть особый шарм и нечто, выделяющее из серийности.

– Не стану спорить. Скорее всего, дело во мне. Я или старомоден, или вообще немножко из другого времени.

– Наверное, все творческие люди такие?

– Не знаю, – честно признался я. – Кажется, где-то здесь видел знакомого журналиста. Он по-настоящему творческий человек, пишет стихи... Если хотите, можем спросить его мнение.

– Как интересно! Настоящий поэт?

– Поэзия, скорее, хобби, хотя он имеет публикации в нескольких сборниках.

* * *

Конь шумно дышит. Из широких ноздрей вырываются струи дыма, проблескивающие искрами. Толстый драконий хвост извивается кольцами, мощные когтистые лапы нетерпеливо скребут камень, оставляя глубокие бороздки. Конь! Только морда похожа на лошадиную (если забыть о клыкастой пасти), а в остальном ничего общего у грейма с мирным домашним животным не наблюдается. Однако он вполне послушен моей воле и, хотя давно готов бесстрашно ринуться через огромную пропасть, ждет команды. А я крепко сжимаю повод руками в толстых перчатках с железными клёпками и никак не могу решить, какую выбрать дорогу из тысяч, простирающихся над бездной.

Рядом на таком же чудовище сидит юная Царица.

Крошечный островок наш парит среди звезд. Время истекает, пора ехать, но я еще не решил, куда.

– Доверься коню! – говорит Белый Всадник и направляет своего грейма вниз. Следом со скалы на черно-красном звере слетает Царица.

– Доверься! – долетает эхо...

* * *

Музыка смолкла, и снова возник Грег.

– Господа! – возвестил торжественно, – А сейчас сюрприз!

Театральным жестом он стянул длинное покрывало с некоего сооружения установленного рядом с елкой. Это оказалась картина на массивной подставке. Простая, без изыс-

ков и вычурностей рама обрамляла полотно с изображением ночного парка. Лунный свет меж высоченных стволов, причудливые тени, одинокая женская фигурка, бредущая куда-то по призрачно освещенной дорожке...

– Ренуар. «Ясная ночь». За эту картину на аукционе Сотби мне предлагали триста тысяч долларов. Но деньги в данном случае меня не интересуют. Я хочу провести свой аукцион между вами, моими гостями. В течение сегодняшнего вечера желающие принять участие могут назначить свою цену. Но не в деньгах! – тут он сделал небольшую паузу и слегка и загадочно улыбнулся. – Попробуйте у б е д и т ь меня, что картина должна принадлежать именно вам, и станете её полновластным владельцем! Проигравших заранее прошу не огорчаться. В конце концов, в любой лотерее кто-то выигрывает, а кто-то... Но никто сегодня не уйдёт без подарка! А сейчас с Новым годом, друзья! – Он с шумом открыл бутылку шампанского, и пенистое вино полилось с подставленные фужеры.

– Тюльку гонит: деньги ему не нужны! – буркнул стриженный «ёжиком» белобрысый паренёк возле меня.

Вы как будто недовольны его предложением.

Да несолидно это. Ну, повешу этого Лёнуара у себя в офисе. Пацаны спросят, почём брал? А я чё скажу? Так отдали? Значит, дешёвка!

– Уверены, что картина достанется именно вам?

– А кому ещё? – удивился паренёк. – Греги – родной бра-

тан моей матушки. Только даром мне все равно не надо. Я, типа, бизнес купил, а там серьёзных пацанов уважают.

– Ну, удачи вам, – пожелал я племяннику мецената и пробрался поближе к елке. Прекрасная Тайна – Алина уже, опередив меня, стояла возле картины, окружённой для удобства обозрения оградкой из бархатных канатов. Нижний левый угол картины, чего я не заметил раньше, был повреждён: краски стёрты, а самая кромка чуть обуглена, словно полотно чудом избежало гибели от огня.

– Любите импрессионистов? – прошептал я в маленькое прекрасное ушко.

– Я вообще живопись люблю.

– И примете участие в аукционе?

– Обязательно!

– А кое-кто, вот, считает, что шансов у вас, да и вообще ни у кого нет против него.

– Кто? – неожиданно резко Алина повернулась ко мне.

– Грегов племянник. Вон он, беленький такой.

– Ах, этот, – облегчённо улыбнулась она, – пусть считает.

– Вы так уверены в успехе?

– У меня есть довольно весомые аргументы для Грега.

– А может, у меня они окажутся весомее.

– Вы же не любите лотерей.

– Откуда вы знаете? А вдруг я хороший игрок и ничем не выдаю своей заинтересованности?

Секунду, не больше, зелёные глаза вглядывались в меня.

– Начнём с того, что вы не считаете картину подлинной. Это не Ренуар. В лучшем случае кто-то из его учеников. В худшем – просто мастер подделки или подражатель, очень талантливый, но отдельные элементы выполнены явно не в манере мэтра. Неспециалисту они не заметны, но вы сразу обратили на них внимание, и, если вначале ещё сомневались, то сейчас окончательно решили, что картина вам не нужна... Извините, я вас покину.

Уходя, она обернулась и добавила:

– А игрок вы плохой. Да и вообще не умеете играть в карты.

Потом упорхнула, оставив меня в ошеломлении своей поразительной пронизательностью.

* * *

Наступление нового года встретили шумно, весело. Шампанское лилось рекой. Фейерверки вонзались в ночное небо фонтанами разноцветных огней, музыка наполняла весь окрестный лес. Но постепенно веселье пошло на убыль, гости начали разъезжаться, толпа танцующих и угощающихся яствами шведского стола редела.

Картина по-прежнему стояла под ёлкой. Все на неё насмотрелись. Но право владения пока что не получил никто.

Алины нигде не было видно, и я остро пожалел, что не догадался спросить её телефон. И красивые девушки, и умные, и талантливые есть среди моих знакомых, но не окружает их аура тайны, ощущение прикосновения к чему-то запредель-

ному...

Серебристый «Мерседес», однако, всё ещё стоял на опустевшей площадке перед воротами. На всякий случай я записал его номер. Не телефон, конечно, но хоть какая-то зацепка.

– Собрался уехать, не попрощавшись?

То ли Грег подошёл так тихо, то ли я задумался и не услышал шагов, но от его голоса вздрогнул.

– Я...нет, но мне, пожалуй, пора. Вечер был замечательный...

– Никуда я тебя не отпущу! В холле есть телефон, позвони домой и скажи, что задержишься.

– Меня никто не ждёт.

– Тем более, куда спешить? А начнётся сейчас самое интересное. Это могу обещать!

– Ну, раз так...

– И девушка твоя ещё здесь, – он заговорщически подмигнул.

Мы вернулись в дом. Танцевальный зал был пуст и, что удивительно, стерильно чист. Ни малейших следов присутствия каких-то тридцать минут назад веселящейся толпы. Чистота и идеальный порядок, приправленный лёгким ароматом хвойного дезодоранта.

Небольшая комната, в которую мы прошли, была оформлена в колониальном стиле Англии конца девятнадцатого века. Массивная антикварная мебель, пушистый ковёр на

полу, многослойные складчатые портьеры, огромные ветвистые рога над камином и висящее на них старинное ружьё, украшенное чернеными серебряными накладками со старинной вязью. Видеомагнитофон, правда, не вписывался в интерьер, нарушая его целостность суперсовременным видом, как и телевизор с огромным жидкокристаллическим экраном. Двое охранников сидели около него: один на корточках, другой на маленьком пуфике, рядом стоял с бокалом вина Грегов племянник. Они созерцали эротическую мелодраму с элементами боевика. Как такое вообще может сочетаться, не представляю, однако, герои между многочисленными лихими разбрасываниями толп ниндзя, то целовались, то успевали заняться любовью. Парочка незнакомых мне субъектов и дама, которую Грег представил, как свою жену, играли в карты за изящным черным столиком, инкрустированным перламутром. А в кресле у камина сидела, задумчиво глядя в огонь, Алина, моя прекрасная Снежная Королева...

– Я не помешаю, если разделю ваше одиночество? – Громкий смех группы телезрителей заглушил мой полусшепот, но она услышала. Улыбнулась.

– Нет. Не помешаете. Даже наоборот. Общаться с вами куда приятнее, чем с кое – какими особенно продвинутыми и бесцеремонными типами.

О ком это вы?

– Да есть тут..., -неопределённо сказала она. – А что ваш

друг поэт еще не уехал?

– Нет. Я видел его внизу. Сейчас придёт... Да вот и он. Влад, можно тебя на минутку!

Он подошел, сияя одной из своих ослепительных улыбок. Ну, как же, ведь рядом со мной прекрасная дама. И кто знает...?

– О, Боже, – вдруг пробормотала Алина. Одновременно погасла улыбка Влада. Никогда я не видел такого каменного выражения лица у обаятельного журналиста, любимца женщин и начальства – что хоть и чуть менее приятно, но гораздо важнее.

– Ну вот, Алина, это Влад или Мерлин, как он подписывает свои статьи. Поэт-лирик и немножко журналист...

– Вы – здесь! – Сарказм в голосе всегда вежливого и обходительного с женщинами Влада меня крайне удивил. – Какой сюрприз!

– А вот я предполагала, что кто-то из вашей шайки обязательно явится, – глаза моей Снежной королевы потемнели, но легкая улыбка на её губах была скорее кокетливой, чем гневной.

– Вы что, знакомы? – я переводил взгляд с него на Алину и обратно и ничего не понимал.

– Скорее нет, чем да, но кое-что друг о друге знаем.

– Извини, Алекс, – сухо попрощался Влад и, доставая на ходу сигареты, направился к балкону.

Вообще-то он не курил, предпочитая вести исключитель-

но здоровый образ жизни: утренние пробежки, минимум спиртного и высококалорийной пищи, ну и так далее. Сигареты имел для имиджа скорее. Иные мелочи помогают общению с людьми, а ведь общаться журналисту приходится много. И сейчас правилу своему он не изменил. Сигарета дымилась в его пальцах, но не похоже, чтобы Влад её курил.

– Что случилось?

– Ты эту ведьму привёл сюда? – устало спросил он.

– Зачем ты так?! Алина – прекрасная девушка, умная, загадочная!..

– Загадочная! Это они умеют: очаровать, напустить тумана, а потом использовать, как пешку!.. Поверь, все не так, как кажется. Неужели ты не чувствуешь, каким холодом от неё веет? Какой космической пустотой?!

– По-моему, наоборот, теплом. И кто это «они»?

– Знаешь, что... – он замолчал вдруг, о чем-то задумавшись.

– Что?

– Будь осторожен.

– А в чем дело? Девушка любит на десерт кровь младенцев? Бороздит на старой метле ночное небо? Коварно лишает невинности неопытных юношей – поэтов?

– Все-то тебе шуточки! Но не говори потом, что я не предупреждал.

– Если даже тебе что-то известно, храни свой секрет. Ничего не хочу знать заранее. В моей жизни слишком давно

ничего не происходило, чтобы вот так, запросто, отказаться от разгадки некой тайны! Доброй, злой, – неважно! Встреча с Алиной что-то изменила во мне, я чувствую.

– И давно ты осознал, что потерял вкус к жизни? Уж не сегодня ли?

– Сегодня я его вновь обрёл! Пойдем, а то здесь холодно. Мы вернулись в комнату. Ничего особо там не изменилось, непонятный маленький конфликт никто не заметил. По телевизору показывали уже мультфильм – бесконечную сагу о Волке и Зайце, начатую ещё в прошлом веке. Охранники внимали ей с не меньшим интересом, чем боевику. На сей раз к ним присоединилась хозяйка дома, а Племянник беседовал с Алиной.

– Не, ну по физиономии жизнь рассказывать – это фигня всё, – донесся до нас его голос. – Вот, типа, скажи, как мою жену зовут, если это на лбу написано?

– Нет у тебя жены...

– Ага...!

– ...и не будет.

Влад чуть презрительно хмыкнул: он тоже прислушивался к разговору.

– Чёй-то не будет? Да я только свистну, хоть Маринка, хоть Верка среди ночи прибегут замуж выходить!..

– Не будет, – повторила Алина. На Племянника она даже не глядела. – Не судьба.

– Да ну?

– Если ты завтра в Лондон полетишь, тебя убьют.

Племянник поперхнулся коктейлем, закашлялся.

– Ты чё, мать, серьёзно?! Кто про Лондон наступал? Я, вроде, никому не говорил. Коммерческая тайна типа. И кто меня заказал?

– Кому ты нужен? – пробормотал Влад.

– Террорист-маньяк возьмёт тебя в заложники в аэропорту Хитроу. Его застрелят. И тебя вместе с ним. Нечаянно.

Паренёк потрясённо молчал.

– А если бронежилет одену? Или не лететь? Не лететь тож нельзя: бизнес...

– Каждый сам выбирает судьбу.

– Тоже мне, Кассандра, – пробормотал мой друг поэт. – Напугала пацана. Ну, это в её стиле. Они все такие...

– Кто это все? – спросил я, но он не ответил.

– Господа, – снова из ниоткуда возник Грег, – первый тур нашей лотереи завершён. Вы, оставшиеся, примете участие во втором туре. Всем желаю удачи! Пока, если кто устал, может пройти в отведенную для него комнату и отдохнуть. Мы продолжим наш аукцион завтра, вернее, уже сегодня, но несколько часов сна не повредят даже мне. Пойдем, дорогая, – он взял под руку жену, – я провожу тебя.

Уходя, дама, с которой за весь вечер я не обмолвился и словом, как-то странно посмотрела на меня. Тень страха мелькнула в её глазах. Или мне показалось?

Спать не хотелось, есть тоже, особой усталости я не чув-

ствовал, потому, как привык работать ночами. Решил прогуляться по дому. Когда ещё смогу посетить т а к о й особняк? Не то, чтобы я бедствовал; моя квартира из двух комнат и мастерской вполне устраивала, но воображение не поражала. Когда появлялись деньги, покупал альбомы репродукций или путешествовал. Лишних вещей, кроме самых необходимых, у меня не присутствовало. Интересно было попытаться понять образ мыслей человека, превратившего свой дом в музей вещей редких и дорогих, но абсолютно ненужных. Хотя у Грега может и другое мнение быть, конечно. О чём-то ему напоминает, например, коллекция мраморных статуэток в узких нишах вдоль длинного коридора? Задние стенки ниш, расположенных напротив, зеркальные и, отражаясь, друг в друге, образуют бесконечные коридоры, с шеренгами каменных дев, застывших в причудливых позах. Переходы в иные миры, охраняемые бдительными стражами...

Показалось, что иду по коридору давным-давно, но, когда оглянулся, вот она, дверь, в которую вошел, а вот другая, на выход. Толкнул её и оказался в кабинете ученого-археолога, не иначе. Книжные шкафы до потолка, доверху забитые толстыми фолиантами, застеклённые полки с разными диковинками: глиняными табличками, осколками ваз или горшков, древние черепа, человеческие и звериные и вовсе уж непонятные предметы, вроде многолучевой звезды с оплавленными краями или невесомо лёгкого черного, тёплого на ощупь, кубика.

Массивный стол у окна тоже был завален ископаемыми редкостями, свитками, папками, тетрадами. Стоял включенный компьютер. На экране сменяли друг друга дивной красоты пейзажи.

– Алекс! Рад, что ты зашел. Располагайся, – Грег достал из шкафчика небольшую пузатенькую бутылку и два фужера.

– Шато-Марго 82 года! Коллекционный экземпляр. Замечательное вино.

– Увы, я не знаток вин.

– Не предлагаю верить на слово! Попробуй!

Вино действительно оказалось очень приятным на вкус, чуть терпким, сладким и солнечным. Да, словно в каждой капле его остался кусочек солнца прекрасной Франции.

– Замечательно! Правда, очень здорово. Ты, я вижу, любитель всего прекрасного и редкого? Увлекаешься археологией?

– Ты имеешь в виду это? – он махнул рукой в сторону застеклённых полок, – Нет, сие всего лишь дизайнерская идея, не больше. Слава Индианы Джонса меня никогда не вдохновляла, хотя и имею несколько действительно редких и ценных вещей.

– Например, картину Ренуара?

– Кстати о картине. Ты – единственный, кто не заявил мне прав на неё. Я думал, для художника, даже весьма талантливого, важно иметь хотя бы одну из работ признанного мастера?

– Я не люблю импрессионистов, – о том, что считаю шедевр подделкой, я говорить не стал. Зачем обижать хозяина? Да и не спрашивал он моего мнения. – И «художник» совсем не значит «страстный коллекционер». У меня около сотни альбомов репродукций. Когда же возникает потребность в общении с «живым» искусством, иду в музей, в галерею.

– Понятно. Хотя ты – единственный, кому отдал бы картину, только попроси... Но ты не попросил.

– У тебя есть племянник. Отдай ему. И раритет останется в семье, и меценатом можешь себя считать. В какой-то степени.

– Посмотрим, – слегка рассеянно ответил он, что-то обдумывая. – У меня просьба есть к тебе. Вернее, деловое предложение об одной услуге, которая, разумеется, будет хорошо оплачена.

– А в чем дело?

– Ты помнишь, у картины повреждён нижний угол? Я хотел бы, чтобы ты его отреставрировал. Восстановил. Всё, что понадобится для работы, будет предоставлено: любые краски, кисти. Все – любой фирмы, какую назовёшь. Только скажи, что тебе нужно?

Я был удивлен.

– Ты действительно этого хочешь? Иногда именно дефекты придают вещи главную ценность.

– Да нет. В данном случае это – не старое повреждение, а совсем недавнее. Несчастный случай. Поэтому и намерен

придать картине первоначальный вид. Две тысячи евро тебя устроят?

– Грег, да я....

– Ладно, четыре.

– Мне надо взглянуть.

– Пойдём.

Мы спустились в танцевальный зал. Ёлка по-прежнему переливалась синими огнями, а вот картины под ней не было. Рама, подставка, – всё стояло на месте. Кроме картины. Валялись поваленные столбики, сцепленные красными бархатными канатами: наверное, похититель так торопился, что не озаботился соблюдением тишины, но звуков их падения, признаюсь, я совершенно не слышал.

Грег для начала вызвал и опросил охрану, затем отдал несколько распоряжений.

– Может, кто-то решил пошутить? – предположил я.

– Тогда это довольно глупая шутка, – тон у Грега был по-прежнему спокойный, ровный. Если пропажа и взволновала его, по лицу это было не определить.

– Во всяком случае, через ворота картину не выносили.

– Там что, организован досмотр багажа? И личный: с раздеванием до трусов и просвечиванием рентгеном?

– Во фронтальной арке установлены датчики. Если бы картину пронесли мимо них, сработала бы сигнализация.

– Нет сигнализации, которую нельзя выключить, – про-

бормотал я.

– Оптимиста всегда можно узнать по невежеству!.. Это я не о тебе, а так, в общем.

– Я понял, понял. А... , скажем, такой вариант: некто перебрасывает картину через забор, а на той стороне её подбирает сообщник или же он сам, спокойно пройдя сквозь арку? Это, если кто-то догадался о сигнализации ворот. Или знал?

– Периметр сейчас прочёсывают с собаками. Но человек, решивший совершить подобный бросок, должен обладать недюжинной силой. Вес картины даже без рамы около десяти килограммов.

– Не может быть! Полотно такого размера...

– Разве я говорил, что это полотно?

– А что же?

– Особый материал на основе обсидиана... Да сейчас это неважно!

– Никогда не слышал, чтобы картины писали на обсидиане. Во всяком случае, Ренуар. Да ведь материал хрупкий! Задень ненароком – разобьётся!

– Не всё так просто, друг Гораций! Не всё так просто!

* * *

– Господи, помилуй! Капитан! Что это?! – клацая зубами от страха, юнга пальцем показывал на запад. Там, из низко висящего массива туч, опускался в волны вращающийся серовато-белёсый столб.

– Это Хобот Дьявола, – ответил, опередив меня, боцман. –

Если он нас коснется, напрямик окажемся в преисподней! Может, кому там самое место, но я предпочитаю объятия красотки Лу. Полундра! – заорал он, перекрикивая грохот шторма!

Шхуна рыскнула, и огромный водяной вал обрушился сверху. Юнга завопил, когда волна потащила его в море, забарахтался отчаянно. Я успел ухватить его одной рукой, второй вцепившись в леер.

– Держи курс!! Акула тебе в зад! – преодолевая напор воды, боцман подобрался к рубке, отшвырнул рулевого, сам ухватил штурвал, выравнивая корабль.

А высоко на грот-мачте трепыхался, словно в насмешку всем штормам, смерчам и самому дьяволу наш флаг – черное полотнище «Веселого Роджера» ...

* * *

В зал, тем временем, стали собираться оставшиеся на ночлег гости. Некоторые вид имели сонный и довольно помятый. Племянник, например. Он что-то недовольно бурчал о том, что наиболее продвинутые пацаны за такие шутки могут и морду набить.

Алина же и вечером не выглядела утомлённой, а сейчас и подавно прямо-таки источала утреннюю свежесть. Влад тоже выглядел отдохнувшим. Случайно или нет, но стоял он возле окна, на максимальном удалении от девушки.

– Господа, – Грег обвел взглядом гостей, задержавшись чуть дольше на Алине, – прошу извинить, что бесцеремон-

но прервал ваш отдых, но оправданием мне чрезвычайные обстоятельства. О преступлении говорить, думаю, рано, но факт исчезновения картины Ренуара крайне меня огорчил. Если это чья-то шутка, то она оценена, и автор может вернуть – инкогнито по желанию – шедевр на место без последствий для себя. Если же некто совершил необдуманый поступок, я так же готов не применять санкций, при возврате картины в течение часа. В любом случае, господа, никому из вас не разрешено покидать территорию виллы до разрешения конфликта. Мне очень жаль, – повторил он.

Когда гости начали расходиться, Грег подошел к Алине и сел напротив неё на пуфик.

– А вы ничего не хотите мне рассказать? Может, что-то заметили? От вас подробности не ускользают, не так ли?

Алина покачала головой.

– Ну ладно. Надеюсь, все прояснится. В ближайший час.
* * *

Когда добрая теплая тьма разомкнулась перед глазами, первое, что я увидел, это мохнатый рыжий бок Лорда. В густой собачьей шерсти запутались соринки и веточки, но все равно она сияла в солнечных закатных лучах темным золотом. Пес повернул голову и, поскуливая, начал облизывать мне лицо.

– Ну-ну, перестань! – попытался отстраниться, но левое плечо вдруг резануло болью... Отдышался через пару минут и стал проверять, что ещё кроме руки повредил при паде-

нии?

Вроде, остальное все нормально. Легко отделался. Слететь с такой скалы и не растерять кости по склону, совсем неплохо!

Медленно повернулся на бок и, опираясь на здоровую руку, попытался сесть. Голова закружилась. Вот чёрт! Прислонился спиной к камню, закрыл глаза, пережидая, пока замрет мировая карусель.

Пес ткнулся холодным носом в ладонь. Не открывая глаз, потрепал его по кудлатой башке. Опять заскулил, сует что-то мне в руку. Я глянул вниз – фляга с водой. Неподалеку лежит развязанный рюкзак... Но я же помню, что снял его! Значит, он должен лежать на тропе, метрах в ста выше...

Перевёл взгляд на собаку. Лорд преданно и вопрошающе заглядывал в глаза.

– Спасибо, – прошептал я. – Друг.

* * *

Мне отчаянно захотелось на воздух.

– Думаю, запреты нашего доброго хозяина не распространяются на прогулку в парке? Не составите мне компанию? – Прекрасная Алина вновь опередила меня и стояла уже облаченная в серебристую шубку и сапожки, отороченные тем же мехом. А вот шапок, похоже, она не признавала.

– Вам не холодно? – спросил я, когда мы вышли в морозное утро нового года.

– Нет, – коротко ответила она и замолчала, о чём-то со-

средоточенно думая. А я-то рассчитывал на лирическую беседу! Прекрасный живописный вид вокруг настраивал на поэтический лад. Заснеженный лес, дымка облаков, окутывающих горы, темное зеркало речной воды, местами чуть тронутой тонким льдом... Прошлой ночью я и не разглядел в темноте ничего подобного.

Мы шли по парку, окруженному кирпичным забором, бесконечная лента которого терялась где-то за рекой.

– Я и не думал, что участок у Грега столь велик! Собственный лес, река, охотничьи угодья!.. Вчера все выглядело куда скромнее и миниатюрнее.

– Скажите, Алекс, вы журналиста этого, Влада, давно знаете?

– Достаточно давно, а что?

– Есть ли у него склонность к неожиданным поступкам? Если ситуация неординарная.

– У всех нас в неординарной ситуации могут проявиться качества, о которых не подозревали даже сами. Или вы что-то конкретное имеете ввиду? Например, услышав, что Влад ночами шныряет с ножом по тёмным переулкам, крайне бы удивился. Я не тонкий психолог, но, думаю, бандитских наклонностей у него нет. Надеюсь, успокоил вас? Кстати, он тоже задавал похожие вопросы.

– Неудивительно. Род наших занятий не предполагает дружбы. Более того, во многих вопросах компромисс невозможен, хотя и очень жаль, конечно. Но на том стоит мир. На

вечном противостоянии.

– Я не зря назвал вас Тайной. Вы говорите загадками, но это придаёт особый шарм. И понять хочется, и сохранить притом ощущение прикосновения к удивительному, запретному. Как вам это удается?

– Это комплимент? – она улыбнулась.

– Если вам нравится.

– Благодарю. Только на деле все и проще, и гораздо менее романтично. То, с чем приходится сталкиваться каждый день, далеко от изящества, часто грубо и неблагодарно.

– Согласен. Надо самим стараться привносить в повседневность элементы прекрасного, как Грег, например. Вы видели его коллекцию? Мне не надоело бы ежедневное созерцание даже одной-единственной статуэтки. Или картину взять ту же пропавшую. Знаете, о чем он меня попросил? Восстановить её! Помните, там угол нижний повреждён?

– Вы согласились? – спросила она с некоторым напряжением в голосе.

– Вообще-то, да.

– Не делайте этого!

– Почему?

– Может показаться фантастичным, если не сказать жестче, но ... Понимаете, эта картина несет в себе опасность!

– В самом деле? Она краденая? Числится в международном розыске, а вы – сотрудник Интерпола, напавший на след после упорных поисков!

– Отнеситесь к моим словам серьезнее. Прошу вас!

Тревога, самая настоящая тревога светилась в зелёных глазах Алины, глядящей на меня снизу-вверх из-за малого роста. А я-то решил, что она шутит, и решил подыграть. Ни в какую опасность я, конечно, не верил. Даже, если это музейный экспонат, мне-то что? Картина не подлинная и, если я её отреставрирую, ничуть в цене не упадет. Наоборот, лучше станет. И вообще, это проблемы владельца, который к тому же предложил хорошую цену за работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.